

ШИТИК

— Ты смотри-ка, а журавель какой пошел? И мимо, даже не заглянул. — Люська высматривала из окна, как мимо ее дома гордой походкой проходил Андруха Шитик.

— Пить бросил, — крикнула из кухни ее дочь Ира, яростно отдирая со сковороды пригоревшую капусту, — вот и не заходит.

— Да не бросил, а закодировался, — ответила ей Люська. — Сестра его из Питера приезжала, силком в больницу затащила. Ой, ты гляди-ка, на нем еще и куртка новая, с карманáми.

— Ну, жених! — захохотала Ира. — Завтра Анфиска небось прилетит.

— Да седня прилетит, тут и к бабке не ходи. Че-то холодно в доме. Ты печку-то затопила?

— А капусту кто жарить будет?

Люська в последний раз поглядела в спину удаляющемуся Шитику, оторвалась от окна и направилась в сарай за дровами.

Шитик шел по разбитой дороге, выбрасывая вперед негнуци-
еся ноги. После длительных запоев они теряли чувствительность
и становились, как два костыля. И от этого его походка приобре-
тала гордый и вместе с тем чудаковатый вид. Даже в новой куртке
он казался неряшливым. Нестриженные грязные волосы торчали
в разные стороны, бакенбарды клочками уходили в густую нече-
саную бороду. Изрезанный глубокими морщинами лоб выпирал
вперед и будто нависал над крохотными мутно-голубыми глазами.

Его и прозвали-то Шитиком за схожесть с ручейником, ли-
чинкой луговой бабочки. Этих лохматых личинок на речке соби-
рали мальчишки. Очень хорошо на них рыба клевала.

Дорога к остановке всего в километре мимо магазина, старого,
растущего на бревна амбара, недавно поставленного и нико-
му не нужного телефонного автомата и разнокалиберных дере-
вянных домов сейчас казалась бесконечной, но такой легкой.

Вот проржавленный пазик остановится у бетонной платформы
с погнутым знаком пешеходного перехода и выплюнет из салона
Анфиску. Она, как обычно, потопчется на месте широкими каблу-
ками, брезгливо поморщится и передернет плечами в белом плаще
с пришитым не к месту и не по погоде порядком изношенным пес-
цовым воротником. Шитик подскочит к ней, неловко возьмет из рук
дамскую сумочку и пойдет обратно, не оборачиваясь. Он знает, Ан-
фиска последует за ним и через четыре-пять шагов догонит. Она
всегда приезжает в конце весны, когда наступает пора сморчков.

И так повторяется каждый год. С конца весны до середины
осени Шитик живет с Анфиской в двухэтажном кирпичном ба-
раке с печным отоплением и старым заплесневелым умывальни-
ком. За домом рядом с выгребной ямой у них сколочена теплица
из старых оконных рам. А около нее растет буйный куст красной
розы. Вопреки прогнозам местных жителей, он не замерзает и ка-
ждое лето выбрасывает из бутонов яркие махровые цветки. Ан-
фиска говорит, если б не этот куст, вообще бы сюда не приезжала.
Он один — красота в ее жизни.

Каждое утро Шитик заводит старую проржавленную копей-
ку, заливает бензин, купленный на Анфискины деньги у сосе-
да Лехи, и они отправляются в лес. За сморчками на делянки,
за лисичками и ценными боровиками на сосновые боры, куда

не добираются пешие грибники. С хапалками идут на болота за черникой, брусникой и клюквой. А уже днем Анфиска стоит у дороги на Москву и продает лесные дары. Цену ломит в десять раз, но городские охотно покупают, не торгуясь.

Осенью Анфиска отсчитает Шитику немного денег, так, чтобы хватило на хлеб и крупу до следующей весны, сядет в пазик и укатит в свою квартиру с центральным отоплением и водопроводом.

Как только пазик скроется за поворотом, Шитик сторбится, утрет потекший нос и зайдет в магазин. Не глядя на полки с товаром, он небрежно бросит на прилавок триста рублей и прохрипит прокуренным голосом.

— Беленькую дай, — он немного прокашляется. — Еще конфет насыпь. Шоколадных.

— Анфиска уехала? — лукаво спросит продавщица.

— А тебе-то что, ты мне товар продай и лишних вопросов не задавай.

— Ой, глядикось ты, как заговорил, — еще больше ухмыльнется Танька, — значит точно уехала. Сейчас все пропешь, потом опять побираться пойдешь.

— А тебе-то что? — снова повторит Шитик.

— Так ко мне и придешь хлеба выпрашивать.

— Ну тебя, — он беззлобно махнет рукой, возьмет бутылку с кульком конфет и направится к Люське.

Топнет ногой на взлаившую было собаку и заколотит в хлипкую деревянную дверь.

— Ой, кого это к нам принесло? — с наигранным удивлением тут же отзовется Люська, открывая форточку. — Дверь не вышиби, сейчас открою.

Замок щелкнет, и в нос Шитика ударит кислый запах квашеной капусты.

— Осень, — философски заметит он.

— Уехала? — участливо спросит Люська, заранее зная ответ.

— Дык, — кивнет Шитик.

— Ну, доставай! Ты в первые-то дни с пустыми руками не ходишь.

Шитик разольет водку в мутные стопки. Люська нарежет толстыми кусками черный хлеб и, немного подумав, вытащит

из холодильника оставшийся хвостик краковской колбасы. Вскоре придет Ира и принесет из веранды трехлитровую банку соленых огурцов на закуску.

— На вот. Детям твоим принес, — Шитик неловко протянет ей кулек.

Двое мальчишек в трусах босыми ногами прошлепают в кухню, схватят конфеты и убегут обратно в комнату, смотреть телевизор.

Шитик еще два раза сходит в магазин, пока не закончатся первые отложенные деньги на этот месяц.

Когда наступит зима, Шитик не почувствует холода, только голод. Но и его можно заглушить, если выпить немного обжигающего семидесятипроцентного спирта. У Шитика нет денег на дрова, а заготовить их сам он не сможет.

— Силы в руках нет, — будет оправдываться он, таская по ночам из чужих поленниц дрова.

Возьмет семь поленьев. Потянется за восьмым, но вдруг остановится, вздохнет и побредет к дому.

— Теплицу бы на дрова разобрал. На что она тебе? Вон, рамы какие толстые, — участливо скажет соседка Жанна.

— Ты что! — испуганно махнет на нее Шитик. — Анфиска весной приедет, где огурцы сажать будет?

Жанна скроется в квартире, а через минуту вынесет ему старое прожженное одеяло:

— На вот. Погрейся.

— Дай тридцать рублей, а? — спросит он. — На стакан.

— Нет у меня наличных, на карте все, — привычно совет Жанна.

А вечером Шитик пойдет к колодцу у дороги ловить возвращающихся с работы людей и просить денег. От мороза у него побелеют усы и ресницы. Он будет сморкаться, не снимая заштопанную колючую варежку. Наконец, замаячит крупный силуэт Вали Григорьевой.

Она будет идти медленно и тяжело. Лишний вес давит на ноги и на сердце. Валя тоже заметит Шитика и интуитивно прижмет сумку к широкому бедру с твердым намерением отказать.

— Валька! — бросится к ней Шитик, на удивление резво отрывая ноги от снега. — Я ведь тебя, как Бога, ждал. Дай тридцать рублей.

Она вздохнет и вытащит из кармана мелочь:

— Больше не жди. Я тебе и так уже всю зарплату отдала.

Дома Шитик перельет из пластиковой бутылки, купленной у Гальки, двести граммов спирта в железную кружку и отрежет кусок замерзшего хлеба. Вечер будет тянуться долго, а ударившие морозы проберутся под прожженное одеяло. Шитик будет думать, как пережить эту зиму.

Следующим вечером он начистит до блеска ботинки, наденет осеннюю, но новую куртку с карманами, а поверх повяжет белый Анфискин шарф, когда-то забытый ею.

Ровно в двадцать один сорок, когда закончится программа новостей по первому каналу, Шитик выйдет на улицу. Пройдет мимо Люськиного дома, в окнах которого будет гореть теплый желтый свет. Он свернет направо и через триста метров взойдет на крыльцо и забарабанит в Валину дверь. Вскоре послышатся шаги и испуганный голос:

— Кто там?

— Это я, — прохрипит Шитик и повторит уже громче: — Я это.

— Чего тебе?

— Валька, война началась!

— Как? — она распахнет дверь. — Как война?

— Вот те крест! Дай тридцать рублей на автобус. До города доехать надо, Анфиску предупредить.

Валя кинется в дом, лихорадочно достанет из кошелька сто рублей. Она бросит их Шитику и побежит к телевизору переключать каналы. Затем сообразит позвонить дочери в Москву.

— Мам, ну какая война? Совсем ты уже, что ли? Ребенка мне разбудила, — сонно ответит дочь.

— Так мне Шитик, — растерянно скажет Валя и не договорит.

Пока она сообразит, он уже купит у Гальки спирт.

— Вот паразит! — выругается Валя и усмехнется.

Она выйдет из дома, чтобы закрыть на щеколду калитку и увидит на заснеженном крыльце ведро из-под майонеза. В ведрке будет алеть пузатая подмороженная клюква.

Однажды утром ударят невыносимые морозы. До вечера ждать еще долго, чтобы стащить немного дров у соседей. Шитик засунет в печь одеяло и подожжет. Огонь вспыхнет моментально, опалив усы и ресницы. А потом перекинется на червивые от сигаретного пепла занавески, пройдет по ободраным обоям и схватится за старый продырявленный диван. Затем помчится в другую комнату, окна которой выходят на огуречную теплицу.

Шитик выйдет из квартиры и сядет на скамейку у подъезда. Затем опомнится и бросится за дом. Пламя из окон вырвется, стараясь дотянуться до розового куста. Покрасневшими руками Шитик будет снова и снова засыпать его снегом. Соседи вызовут пожарных, а он вернется на скамейку.

Со всей деревни сбегутся люди и будут замороженно смотреть, как мощная струя из шланга полощет, словно покрывало оранжевое, пламя. Пожарные несколько раз крикнут, чтобы расходились и не мешали. Черный выпуклый дым вырвется из окон и полетит в бледно-голубое морозное небо.

Вдруг Шитик сорвется со скамейки, застучит ногами, приплясывая и приседая, и запоет:

В Наволоке я живу,
Лебедой питаюсь.
Трава-лебеда,
Вот и вся моя еда.

Отчего-то рассмеется и повалится в снег, раскинув руки. Кто-то украдкой перекрестится.

Когда огонь потушат, люди еще немного постоят и, пряча глаза, начнут расходиться.

— Ирод, чуть нас не спалил! Ты документы-то хоть вынес? — с перемазанным от копоти лицом скажет Жанна, протягивая руку Шитику.

Шитик будет смотреть на черные пустые глазницы окон:

— А на что они мне?

— Допрыгался? — отчего-то разозлится Жанна. — Все, не приедет к тебе твоя Анфиска. Некуда теперь ехать.

— Розовый куст не сгорел, — улыбнется Шитик.

— Тыфу, дурак! Рожа болотная, — плюнет она и скроется в подъезде, перепрыгивая черные лужи.

Вскоре она снова появится в дверях. Вынесет ему старую фуфайку, затасканные валенки и железный чайник. А затем как-то неловко сунет в его руку пятьсот рублей.

— Смотри-ка, Шитик тащится. Еле ноги передвигает. — Люська отодвинула занавеску и выглянула в окно. — Пусть зайдет что ли, погреемся?

— А мне что, жалко, что ли? — ответит Ира, помешивая макароны в кастрюле. — Бутылку со стола убери. Я ему чая поставлю.

ТАНЮХА

Танюха вышла из подъезда двухэтажного кирпичного барака. Она подняла голову и взглянула на треснувшее окно в кухне. На втором этаже находилась ее квартира с печным отоплением, протекающей крышей, притаившимся грибком по углам и шумным соседом, от которого по утрам пахло перегаром.

Окно на втором этаже приоткрылось, и из него вылетела жирная навозная муха, следом за ней показалось густо накрашенное лицо Танюхиной матери Жанны. Грузная с ранних лет, словно ледокол, Жанна прорезала путь к женскому счастью. В деревне ее прозвали Раскуку́ за то, что та размахивала крупными руками, сыпала скабрзными шутками, привлекая внимание противоположного пола неприличными жестами и громко хохоча. Дома она ночевала редко, пытаясь устроить личную жизнь в ограниченном выборе «деревенских женихов». Когда Раскуку исполнилось тридцать лет, ее дочь Танюха к этому времени перешла в десятый класс.

Чувствуя, что по пышной комплекции и зарождающейся громогласности переходного возраста, дочь наступает ей на пятки, Раскуку с еще большим рвением принялась искать свое счастье. И почти нашла. Но «счастье» предпочло молодость, выбрав Танюху.

В тот противный осенний день по разбитой лесовозами грунтовой дороге, раздумчиво шлепая по лужам в мужских резиновых сапогах на четыре размера больше и в пузыре ярко-голубого пуховика, Танюха направлялась в деревенский магазин за майонезом, батоном и вареной колбасой. Чуть раскосыми карими глазами Танюха привычно оглядывала покосившиеся заборы, за которыми торчали уцелевшие скрюченные подсолнухи, вдыхала аромат дыма, валившего из труб деревянных домов, и прислушивалась к озябшим, охрипшим крикам петухов.

Мимо проехал фиолетовый жигуленок, окатив Танюху ледяной мутно-коричневой волной. Танюха подняла кулак, собираясь потрясти им в воздухе, как жигуленок сдал назад, окатив ее еще раз. Водитель, щуплый молодой узбек, лучезарно улыбнулся, так, что у Танюхи потеплело в груди, будто она оказалась под жарким ташкентским солнцем, и кулак сам собой разжался.

— Подвозить хочу, — еще шире улыбнулся узбек, показав белые здоровые зубы, и похлопал по рулю, обтянутому потрескавшимся кожзаменителем.

— Чего? — опешила Танюха и хлопнула густыми черными ресницами.

— Подвозить хочу. Ехай ко мне.

Танюха, не обладая лингвистическими способностями, все-таки смогла понять иностранного кавалера и прыгнула к нему в машину. Кавалер в свою очередь, увидев в ее руках пустой пакет с нарисованными потертыми розочками, сообразил, куда направлялась девушка.

Молча доехав до магазина, он галантно перегнулся через Танюху, открыв изнутри дверцу.

— Ката рахмат, — темные, как смородина глаза узбека, хитро и весело прищурились.

Танюха смущенно втянула большой живот и, задыхаясь, выдавила:

— Спасибо.

Войдя в магазин, она почувствовала зуд, будто от комариных укусов, и поняла, что на нее смотрят любопытные глаза местных жителей.

— Ты, что ль, ухажера себе нашла заграничного? — первой любопытствовала тетя Тоня, низенькая женщина, с пакетом замороженных куриных крыльев в руке.

— Он же тебе в отцы годится, — съерничала подруга и ровесница Танюхиной матери, Ленка Никанорова.

— Может, глянулся он ей. Че уставились, как в театре? — покачнулся алкоголик Андрюха по прозвищу Шитик и протянул продавщице за прилавком пятьдесят рублей. — Дай маленькую. Остальное потом отдам, запиши мне в долг.

Продавщица поморщилась, нырнула под прилавок и через секунду небрежно поставила на него бутылку.

Танюха не собиралась ни в кого влюбляться, тем более в иностранца, но неоднозначные разговоры в магазине отчего-то взволновали ее. Она почувствовала, как что-то внутри дернулось, отпружинило и затрепетало.

Сразу возвращаться домой не хотелось. Утопая сапогами в черно-коричневой жиже, она спустилась к прогнившему мосту и долго глядела на мутный темный ручей. Ручей метров на сто убежал вперед и резко обрывался за поворотом сухого ивняка, как и ее мечты о будущем.

В тот же день, узнав обо всем естественным деревенским путем через пересуды и прибавление новых подробностей, Раскуку лупила дочь старой метлой с разохшейся ручкой и обломанными березовыми прутьями.

— Я те покажу, дрянь такая, как с мужиками в лес кататься. Я те покажу, зараза бесстыжая, как мать позорить.

Танюха ревела, словно неподоенная корова, захлебываясь слезами.

— Да я в твои годы, — не унималась Раскуку.

— А ты-то что в ее годы? — штопая шерстяной носок, бабка прервала измывательства над внучкой. — Хватит девку мучить и сплетни слушать.

— А в подоле потом принесет, что делать будешь?

— Как ты принесла? — не повышая голоса, спросила бабка.

— А я с тебя пример брала, — огрызнулась Раскуку.

Бабка замерла на секунду и, не ответив, продолжила штопать носок. В этот момент она показалась Танюхе невероятно

красивой: статная, с гордой осанкой и не потерявшими цвет ярко-голубыми глазами. И совсем она не старая, просто морщин много.

— Если б ты меня так била, я, может, человеком стала, замуж бы вышла, — не унималась Раскуку.

— А что же сейчас не выйдешь? Вон ходишь по деревне, нас позоришь. Мужика ищешь, как алкаш бутылку.

С тех пор Танюха старалась обходить лужи и не встречаться с иностранцем.

Не встречаться с иностранцем было сложно. Улугбек, так его звали, приехал из кишлака под Самаркандом на заработки в Россию. Здесь ему предложили место на пилораме и жилье в крохотной бытовке, обитой нестрогаными досками, с печкой-вагонкой, продавленным диваном и старой облезлой крысой, вылезавшей по ночам из огромной щели в безнадежных поисках чем-нибудь поживиться.

Амур-бек, узбекский купидон, сразил Улугбека в горячее восточное сердце. Он был покорен русской красотой и твердо решил завоевать неприступную пышную красавицу, похожую в его представлении на царицу Тамару.

За три года Улугбек выучил русский язык и, завидев Танюху, не упускал случая ей это показать. Он то останавливался у колодца с длинным, уходящим в небо журавлем, то караулил ее у старого амбара, растасканного на бревна, то сидел на крыльце деревенского клуба, зная, что она непременно пройдет мимо, возвращаясь с остановки после школы.

— Леди, садись в машина, подвезу до магазина, — Улугбек махал ей смуглой сухой рукой и широко улыбался, но попыток приблизиться не делал.

Танюха шарахалась в сторону и, косясь на него, ответно улыбалась. И отчего-то всякий раз расстраивалась, когда не встречала его.

С ней за это время тоже произошли некоторые изменения. На лице постепенно появлялись следы голубых теней, черной подводки и бордовой помады на пухлых губах. А однажды, в такой же противный осенний день, как три года назад, Танюха, выйдя на облуженную дорогу все в тех же мужских резиновых сапогах,

на очередной призыв Улутбека отрицательно и гордо тряхнула головой, с твердо зацементированными лаком кудряшками.

Раскуку тоже даром времени не теряла. Устроившись на пилораму в жажде новой крови, она пыталась тесно подружиться с Улутбеком. Он все так же улыбался и неизменно говорил:

— Твоя дочь мне жена, — и выдержав паузу, хитро добавлял: — Будет.

Раскуку показывала ему толстую фигу и, подхватив шершавую доску двухсотку, легко, виляя бедрами, несла ее к станку.

В один летний вечер, когда петухи отхрипели свои песни, а собаки притихли в ожидании ночных воров, сидя в беседке из умело сколоченных старых досок, у стола, заставленного бутербродами с колбасой, завяленным оливье и остывшей картошкой с мясом, песню завела Раскуку. Она держала рюмку водки в пухлых коротких пальцах, поблескивая дешевым колечком со стеклянным бриллиантом:

А я хо-чу, а я хо-чу опять,
По кры-шам бе-гать, голубе-ей гонять.

— Поздно тебе уже по крышам-то бегать, — проворчала бабка. — Лучше пожелай чего-нибудь Танюхе. Все-таки восемнадцать лет, взрослая уже.

— Ну, дочка, будь счастлива! И про гордость не забывай. Понятно тебе? А про Улутбека этого даже не думай. Он тебе в отцы годится.

— А тебе в мужья, что ль? — не удержалась бабка.

— Я узбечат нянчить не буду! — не обращая на нее внимания, сказала Раскуку. — Что, нормальных парней нет, что ли? Вот Шурка Демидов, чем не жених?

— Мам, так он же косой, — протянула Танюха.

— Косой не косой, зато с толстой колбасой, — расхохоталась Раскуку и залпом выпила рюмку водки, занюхав ее куском хлеба.

— Ой, дура, — хохотнула бабка.

Две Танюхины подружки, приглашенные на праздник, захихикали и аккуратно осушили пластиковые стаканчики с белым полусладким.

Небо раскрашивалось темными сиреневыми полосами, дразня языком уходящего солнца. В наступившей тишине невольно залюбовались закатом.

— Это чего такое стучит? — встрепенулась Раскуку.

Танюха неосознанно прижала руку к сердцу и прислушалась, не оно ли предательски бьется. Сегодня ее отпускали на всю ночь в клуб на деревенскую дискотеку, а там наверняка будет он.

Звук нарастал. Неожиданно показался высокий силуэт. Приглядевшись, все так и ахнули. На лоснящемся красавце жеребце восседал Улугбек. Он дернул на себя узду, и остановил коня у беседки. Конь фыркал и беспокойно бил копытами о землю.

Улугбек нагнулся, протянул Танюхе букет из трех белых хризантем и запел:

Э-э-эх, да-ро-ги,
Пиль да ту-у-ман.
Хо-ло-да тре-во-ги
Да степной буриян.

Подружки прыснули со смеху. Раскуку налила стопку водки и зло опрокинула ее в себя:

— Думаешь, такими песенками сразу свой стал, казак узбекский?

— Я люблю твой дочь, — серьезно сказал Улугбек. — Он будет моя жена.

— А в загс она с тобой на кобыле поедет? — не растерялась Раскуку.

— Ма-ам, — умоляюще протянула Танюха.

— Что, мам? — не унималась Раскуку. — А жить вы у него в бытовке будете, на диване продавленном с вылезающими пружинами спать?

— А ты откуда знаешь? — вспыхнула Танюха.

— Знаю, бывала!

Танюха выронила букет и выбежала из беседки.

— И не раз бывала! — кричала ей вслед Раскуку.

В тот вечер, когда Улугбек догнал Танюху за старым амбаром, они долго говорили. Она плакала, мотала головой и крепко прижималась к нему.

Улугбек сжал ее руку и горячо зашептал:

— Поехали со мной в Самарканд. Будем там жить. У меня семья большой, добрый. А здесь холодно, мокро. Там тебе сапоги резиновые совсем не надо будет. Выбросишь их.

— Не могу, — тихо сказала Танюха.

— Почему?

Она помолчала:

— Отец, когда к моей маме пришел, просил, чтобы аборт сделала. Денег предлагал. А она его метлой погнала. Он так испугался, что сапоги оставил. Босиком убежал. Мать их выбросить хотела. А потом оставила. Сказала: «С паршивой овцы хоть шерсти клок».

— У меня знаешь, сколько баранов в Самарканде? — зашептал Улугбек, нежно и осторожно целуя ее в висок.

— Да я не о том...

Они слышали, как Раскуку ходила по деревне и протяжно-надрывно звала дочь. Даже собаки, будто боясь помешать ее плачу, только время от времени тихо поскуливали. Танюха долго не откликалась. В тот момент, когда горизонт черного неба дрогнул тонким бледно-желтым надрезом, Танюха отстранилась и сказала:

— Мне пора. Мама волнуется. Завтра увидимся.

— И поженимся?

— Поженимся, только не завтра.

Она осторожно пробралась огородами и вышла к бараку. Поднялась на второй этаж и, тихонько скрипнув дверь с облупившейся краской, скрылась в квартире.

Раскуку подвывая, устало брела домой. Руки ее повисли, как толстые канаты, и болтались в разные стороны. А в спину светило яркое рассветное солнце. От этого казалось, что она, словно святая, сошла с иконы на грязную облуженную дорогу, и ноги ее остаются чистыми и не касаются этой мутно-серой жижи.

— Чего орешь как полоумная? — из окна высунулся Шитик с алюминиевой кружкой не то чая, не то самогона, когда Раскуку подходила к подъезду.

— Тыфу ты, — плюнула она, — сколько лет с тобой соседи, а я все к твоей роже привыкнуть не могу.

— Ниче, как-нить привыкнешь, — он довольно улыбнулся щербатым ртом и залпом опрокинул в себя содержимое кружки.

Не ответив, Раскуку хлопнула дверью подъезда. Дверь жалобно скрипнула и вновь распахнулась. Она уже и не помнила, когда ее в последний раз смазывали и подтягивали петли.